

«ТРИ СЕСТРЫ» ВЕК СПУСТЯ

Независимая газета. - 1999. - 16 сент. - с. 7

Ирина Фьелльнар-Патлах

СЕРЫЕ мертвые стволы, красные с золотом скакертти на столах, на них матрешки, медные самовары и еще неведомо что. В этом неожиданном интерьере обитают чеховские «Три сестры». Нет воздуха, замкнутое тесное пространство давит. «В Москву, в Москву», — стонут обительницы этой антикварной лавки. Их серые платья и стройные фигуры перекликаются с безликими стволами неведомо какого сада.

Премьерой «Трех сестер» открыл «Драматен» сезон на большой сцене. Первый акт нетороплив и умеренно скучен. Кажется, что режиссер Стаффан Вальдемар Хольм не желает искать новое в старой пьесе, а идет верной проторенной дорожкой. Правда, глаз свыкается с трудом со свалкой на сцене (художник Бенте Люкке Меллер), в которой порой тонут обитатели прозоровского дома. Чередом ничем не примечательных мизансцен. Но вдруг — диссонанс. Только что прибывший Вершинин валится в кресло в присутствии стоящих дам. Что это? Отголоски современного шведского феминизма или новое прочтение образа «влюбленного майора»? Слова, слова... А где знаменитый подтекст? Видимо, это не очень олунет режиссера. В программке он гордо сообщает, что отличие от русского режиссера Любимова он не сократил акт. Умилительный поступок

и выдающееся познание в истории русского театра и чеховских постановок.

Убаюканная мирным течением жизни и журчанием полного текста, я вдруг востепенулась от неожиданно сильной сцены в финале первого действия. Страстное объяснение Андрея Прозорова с Наташей в углу авансцены, вытягивающиеся любопытные головы из-за стола в глубине. Неожиданная вспышка камеры, принесенной на именины Федотиком и Роде. Просто, но пронимает.

Пожар вытеснил со сцены излишнюю роскошь: столы и их безвкусное покрытие. Их сменили три железные койки. В них будут искать покоя безумно уставшие сестры. Их трудно узнать. Изящный шелк сменили серые фильдеперсовые чулки, свитера и юбки послевоенных 40-х. На сцене странная смесь: военный фильм, озвученный чеховским текстом. Измученные, потерявшие стиль и шарм сестры. Изящна и женственна только Наташа.

Сцена пустеет, как опустеет город, который покинут военные. Жалкая толпа в бесформенных шинелях и буденовках. Голые стволы на уже почти голой сцене. Сестры, одетые со всей безвкусицей 70-х, с неопрятными прическами, измученными обесцвечиванием и химической завивкой волосами. Наташино «розовое с зеленым» — ничто по сравнению с нарядами сестер.

Маша некрасиво бьется на полу в истерике, проводив Вершинина, Ирина как сомнамбула, Ольга растеряна и безволь-

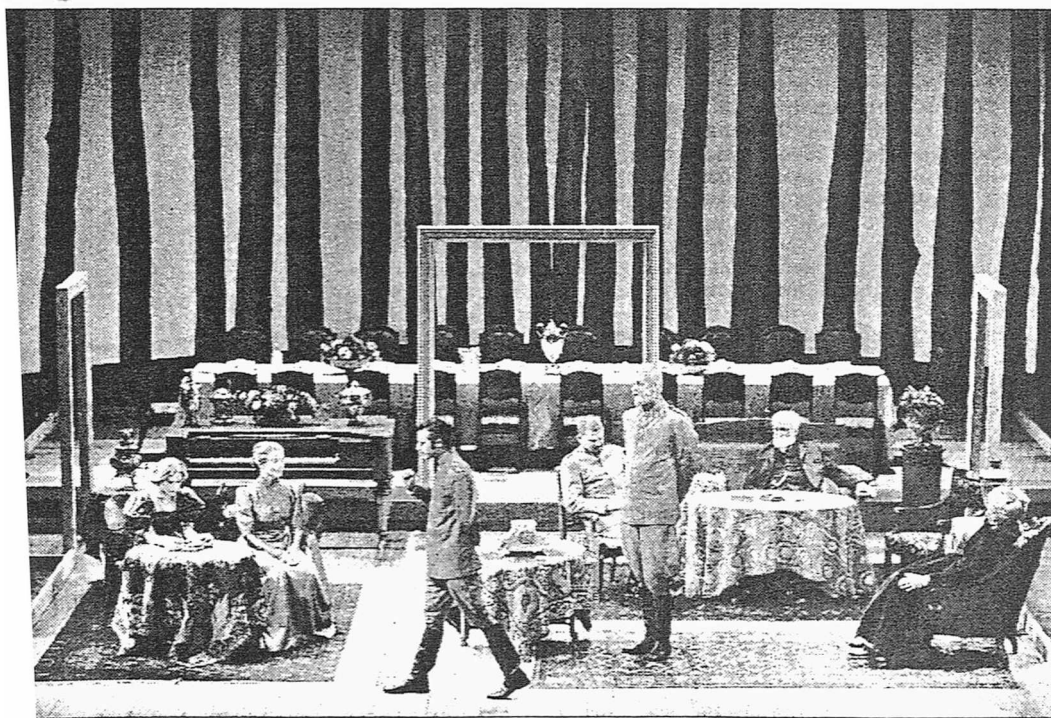
на. Только Наташа красива, одетая по последней моде 90-х в серый брючный костюм, шпильки, очки, аккуратно стриженная — оворусская с картинки.

Режиссер, видимо, чувствует, что мотив времени — один из самых главных у Чехова, темой будущего пропитаны все пьесы драматурга. Герои «Трех сестер» мечтают о счастье в будущем. Переноса действие в это «будущее», расставляя лишние точки над «і», Вальдемар Хольм лишает пьесу перспективы.

Действие за действием спектакль упрямо скачет сквозь времена. Сестры блекнут, теряют стиль и статью. Персонажи постоянно переоделяются, меняют прически, бреются или отращивают растительность на лице. Время пьесы растягивается, «натягивается» на весь век. Эта пьеса — ровесница века. От того ли отчаянные попытки создателей спектакля вместить в нее всю историю и энциклопедию жизни? Спектакль полон глубокомыслия, часто ложного. С трудом вычитывается «месседж» спектакля. Но предусмотрительные авторы прокомментировали и это в программе: эта пробежка по временам, чтобы зритель понял, что эта история могла произойти в любое время. Поэтому чеховские герои поют «Сени, мои сени», зловеще насвистывают революционные песни, а доктор все время читает «Совершенно секретно».

Спектакль не оставляет равнодушным. Он раздражает. Но, может, в этом весь смысл? ■

Стокгольм

«Три сестры». Сцена из первого акта.